

В.И. Ионесов

М. ЭПШТЕЙН - «ЧЕЛОВЕК СЛОВОТВОРЯЩИЙ»

Предисловие к интервью с философом, филологом, культурологом, заслуженным профессором теории культуры и русской литературы университета Эмори (Атланта, США) Михаилом Эпштейном

21 апреля 2020 года выдающемуся мыслителю современности Михаилу Наумовичу Эпштейну исполнилось 70 лет. Без преувеличения это значимое событие не только для российского, но и международного гуманитарного сообщества.

Михаил Эпштейн – личность во многих отношениях неординарная. Пожалуй, он один из главных теоретиков современной русской словесности, автор нового терминологического словаря гуманитарных наук. Он всегда идёт от знания к творчеству, лучше, чем кто-либо, знает, как гуманитарные науки могут изменять мир. К юбилею учёного приурочены научные конференции, семинары, мастер-классы и презентации. В Самарском государственном институте культуры в рамках Международной школы высших культурологических исследований запущен проект теоретических семинаров «Язык как область творчества» с презентацией новых книг маститого учёного.

В предисловии к недавно изданному юбилейному сборнику «Homo scriptor» (2020) Михаил Эпштейн характеризуется как «единственный подлинно ренессансный мыслитель в современной русской культуре, один из самых известных философов и теоретиков культуры постсоветского времени».

Михаил Эпштейн инициатор и создатель многих интеллектуальных проектов, которые успешно реализуются. Например, проект «Дар слова» продвигается с 17 апреля 2000 года. Эпиграфом к проекту стали слова из манифеста «Воин не наступившего царства» Велемира Хлебникова: «...Слово управляет мозгом, мозг – руками, руки – царствами». Как поясняет автор проекта, его «главная тема – искусство создания новых слов и понятий, пути обновления лексики и

грамматики русского языка, развитие корневой системы, расширение моделей словообразования».

Живой фонд словесных опытов, представленный в проекте «Дар слова», нашёл своё креативное преломление в Самарском государственном институте культуры на занятиях со студентами-культурологами в различных предметно-тематических практикумах. Вдохновлённые проективным лексиконом «Дар слова» мы продолжаем экспериментировать с генезисом лингво-семиотических форм, композиций и сюжетов, теперь уже в рамках созданной в СГИК экспериментальной арт-культурологической лаборатории «Театр вещей». Результаты этих творческих разработок были представлены публике в виде двух сценических перформансов под общим названием «Трагитайм: трагическое время». Авторами этих креативных арт-презентаций были сами студенты, которые попытались показать, как рождается культура (событие, слово, вещь) в визуальных смещениях и переходах пространства/времени.

Основной замысел состоял в том, чтобы визуализировать генезис культуры через трансформацию предметных форм и словесных артикуляций в смене жизненных ситуаций. Культура здесь позиционируется как площадка экспериментальных экранизаций – арена визуальных инсценировок и манифестарных эстетических провокаций.

Слово – мощный генератор культурных смыслов. В одной из песен Виктора Цоя есть такие строчки: «Всё, что мне нужно – это несколько слов и место для шага вперёд». Культура, по существу, на этом постулате и выстраивается. Культура всегда есть некое вторжение в

открытое пространство, тогда как слово есть манёвр в отсутствующее, неупорядоченное, непронумерованное и непоименованное бытие. В устоявшемся слове культура обретает своё самосознание. Именно слово спасает культуру от утраты лица. Цель арт-культурологических разработок «Театра вещей» заключается в том, чтобы показать различные этапы жизни человека через визуальные образы предметных артикуляций, сюжетные трансформации и переходы.

Так, благодаря проективному словарю Михаила Эпштейна «Дар Слова» был запущен экспериментальный творческий процесс, соединяющий лингвистические, культурологические и театральные сценические опыты, видения и разработки. Эти арт-культурологические проекты открывают для студентов и преподавателей новые возможности и горизонты слово- и формотворчества.

Слово всегда должно на чём-то крепиться, за что-то ухватиться. Неправильно прикрепленное к реальности слово сбивает с толку, порождает непонимание, сеет раздор. Михаил Эпштейн напоминает нам об этом, цитируя Конфуция: «Если имена неправильны, отвечает Учитель на вопрос Цзы-лу, – то слова не имеют под собой оснований. Если слова не имеют под собой оснований, то дела не могут осуществляться».

Я рассказал Михаилу Эпштейну о наших экспериментальных разработках

по культурологии словотворчества и перспективах их дальнейшего продвижения. И вскоре от автора проективного лексикона пришёл вдохновляющий нас ответ: «Я, конечно, очень рад, что мои лингвистико-культурные построения находят поддержку и развитие среди преподавателей и студентов, да еще в таком методологически проработанном виде! Спасибо за то, что держите меня в курсе! Конечно, было бы желательно, если в будущем такая работа продолжится, зафиксировать ее в текстах, а может быть и издать как пособие по лингвистическому конструированию, по дизайну семиосферы. Если я могу быть чем-то полезным для Вас или студентов в дальнейшей разработке этого проекта, дайте знать».

Пользуясь такой возможностью, я подготовил серию вопросов о культуре, времени, творчестве, о языке, и обратился к Михаилу Эпштейну с просьбой ответить на них. Вскоре ответы были получены. Я глубоко признателен Михаилу Наумовичу за его профессиональную отзывчивость и поддержку развиваемых самарскими культурологами проектов. Символично, что в первом номере журнала «Сфера культуры» публикуется интервью с выдающимся нашим современником, философом, культурологом и проектировщиком словесности Михаилом Наумовичем Эпштейном.

Сведения об авторе:

Ионесов Владимир Иванович, доктор культурологии, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории и истории культуры, руководитель Международной школы высших культурологических исследований Самарского государственного института культуры, Действительный член Европейской Академии наук и искусств ionsov@smrgaki.ru

16 ВОПРОСОВ МИХАИЛУ ЭПШТЕЙНУ О КУЛЬТУРЕ, О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ



Авторы фото
Валерий и Наталья Черкашины

Владимир Ионесов (ВИ): Михаил Наумович, прежде всего позвольте поздравить Вас с юбилеем от имени редакции журнала «Сфера культуры» и всего самарского культурологического сообщества.

В этом году две достойные даты сошлись в одном событии – Ваш юбилей и двадцатилетие «Дара слова», замечательного детища Вашего словесного проектирования. Не будет преувеличением признать, что Ваш вклад в развитие науки о культуре бесспорен и величественен! Труды – грандиозный интеллектуальный каскад идей, будоражащий мысль, побуждающий замечать новое, открывать потаенное и всегда творить, творить и творить... Но, главное для меня, Вы умеете мастерски заглянуть «за кулисы» повседневной культуры, блистательно отыскивая и включая в разговор о самом насущном, казалось бы, самые незаметные явления и объекты нашей жизни. Точно подобранным словом Вам удавалось приблизить к себе реальность и развернуть ее в сторону диалога с большим культурным миром. Вы всегда щедро делитесь своим интеллектуальным опы-

том и переживанием, давая уроки фундаментального знания по искусству извлечения смысла даже из самых крохотных артефактов.

Михаил Эпштейн (МЭ): Огромное спасибо за столь содержательное поздравление! Для меня очень важен Ваш отклик на мою, так сказать, «гуманитарную программу», и для меня радость и честь, что Международная школа высших культурологических исследований планирует провести ряд тематических семинаров, связанных с моей работой. Я буду рад по мере сил способствовать Вашим начинаниям.

ВИ: Благодарю Вас. К предстоящим семинарам по случаю Вашего юбилея мне хотелось бы задать Вам несколько вопросов о насущных проблемах современной культуры. Для нас большая честь в первом номере нового журнала «Сфера культуры» побеседовать с Вами.

1

ВИ: Вас называют *Человеком пишущим*. На обложке недавно изданного к Вашему юбилею сборника так и значится *“Homo Scriptor”* (2020)¹. И с этим нельзя не согласиться. Но я назвал бы Вас прежде всего *Человеком словотворящим*. Ведь Вы подарили культуре не только множество самых разных и точных неологизмов, но и дали наименования новым областям научного знания, среди которых *гуманистика, культуроника, скрипторика, потенциология, реалогия* и др. Как рождаются новые слова – их подсказывает Вам наблюдаемая реальность, или само формирующееся слово влечет Вас к новым объектам, открывает Вам новые смыслы? Чему учит нас слово?

МЭ: Словотворчество – это особый род деятельности, который не с чем сравнить

¹ *Homo scriptor*: сб. ст. и материалов в честь 70-летия М. Эпштейна / под ред. М. Липовецкого. М.: Новое лит. обозрение, 2020. 688 с. (ссылка на электронную версию книги: <https://www.litres.ru/raznoe-4340152/homo-scriptor-sbornik-statey-i-materialov-v-chest-70-letiya/chitat-onlayn/>).

ни в языке, ни в искусстве. Новое, только что созданное слово антиномично, обладает свойствами и слова, и предложения. Поясню, что имею в виду. Слово – это неделимая смысловая единица языка, главное свойство которой – цельность, выделяемость и воспроизводимость. Мы получаем слова готовыми из языка, мы обучаемся им, мы их не производим, а воспроизводим как цельные единицы, предзаданные нашей речи и нашему языковому сознанию. Из этих смысловых первоэлементов языка мы уже составляем предложения, т. е. развернутые высказывания, которые содержат некоторое сообщение, выражают определенную мысль. В отличие от слова, предложение свободно производится говорящим, самостоятельно составляется им (по определенным законам грамматики) из известных ему слов. Предложение именно производится, а не воспроизводится, за исключением тех сравнительно редких случаев, когда оно является цитатой или крылатым выражением и заключается в кавычки.

Когда мы производим новое слово, мы совершаем акт, по сути, равнозначный производству целого предложения. При этом составляющими нового слова являются морфемы, т. е. они играют в словопроизводстве ту же роль, какую в предложении играют его составляющие единицы – слова. Мы свободно соединяем морфемы, как если бы они являлись словами, в новые слова, как если бы они являлись предложениями. Акт творчества, т. е. свободного сочетания значимых единиц языка, переносится из предложения внутрь слова. Поскольку его элементы, морфемы, свободно сочетаются в нем, т. е. впервые производят некий смысл, то новое слово выступает как выражение мысли, оно содержит в себе не просто наименование (предмета, признака или действия), но целое сообщение. *«Солночь»* – это целое предложение, это сообщение о том, что ночь сияет, как солнце, или солнце излучает из себя тьму. *«Брехлама»* – это сообщение о том, что реклама бывает брехней и хламом.

«Отравоядные» – это сообщение о том, что для некоторых существ в экологически загрязненной среде вредные вещества стали привычным источником питания. *«Жизнелюбимый»* – сообщение о том, что человек может не только любить жизнь, но и быть любимым ею.

Такое новосотворенное слово – это коммуникативная единица, т. е. оно не служит готовым элементом сообщения, но само является сообщением, оно выражает самостоятельную мысль. И вместе с тем это предложение заключено в пределы слова, т. е. раз произведенное оно заключает в себе возможность воспроизводимости, узнаваемости, как и другие слова. Таким образом, новое слово сочетает в себе свойство номинативной и коммуникативной единицы языка. Слово раздвигается до предложения, вмещает в себя свободу сочетания значимых единиц, – и одновременно предложение сжимается до слова, т. е. целое сообщение укладывается в номинативную единицу, которая может воспроизводиться в речи множества людей без признака чуждости, цитатности, поскольку входит в лексическую систему языка.

Новые слова рождаются по-разному, движение мысли происходит от означающего к означаемому или в обратном направлении. Иногда первым рождается слово – спонтанно или путем рекомбинации разных морфем – и тогда думаешь: а что оно призвано означать? А иногда возникает задача найти наименование для какого-то еще не обозначенного явления – и тогда уже ищешь слово, которое могло бы заполнить лауну в языке. Но чаще встреча означающего и означаемого происходит на полпути, они постепенно, шаг за шагом приближаются друг к другу. За каждым словом стоит история его создания.

2

ВИ: *«В начале было Слово»*. Но сегодня Слову приходится часто догонять быстро меняющуюся реальность. Мир без языка распадается. *«Границы моего языка – это границы моего мира»* (Л. Витгенштейн). Бессловесная реальность неуправляема,

провокационна, а иногда и губительная для культуры. Смысл удерживается словом. Без Слова культура обесмысливается и обезразличивается. Не есть ли кризис – оторванная от Слова непоименованная реальность? Слишком много в нашем быстротечном мире того, что Словом еще не скреплено, не поименовано?

МЭ: Если предмет не выделен именем, он не входит в систему культуры, а значит остается «мертвой зоной», которая, как известно автомобилистам, представляет собой большую опасность на дорогах: это «слепое пятно», которое не отражается в зеркалах мысли и языка. «Ословить» явление, правильно подобрать для него компоненты значения (морфемы) – значит включить его в систему культурных координат, создать предпосылку для сознательной и целенаправленной работы с ним. Это своего рода словарная психотерапия и вместе с тем *социотерапия, историотерапия*: выведение предмета из бессознательного в область личного и общественного сознания. В Библии Бог приводит всех земных тварей к человеку и просит дать им имя. «...Чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей». Это во исполнение предыдущего обетования – о том, что человек должен наполнять землю. Такова двудеятельная задача, поставленная перед Адамом в момент его сотворения: плодиться, размножаться – и *именовать*. Проективный словарь умножает эту магическую силу слова, поскольку соединяет входящие в него слова в некую симфонию озвученных смыслов-заклинаний, продолжает работу Логоса, сотворившего мир. Избитые, штампованные слова лишены этой способности, они, как рабы, выполняют издавна возложенные на них функции (полезные, утилитарные, просветительские, пропагандистские...).

Вообще слово нельзя придумать, ибо оно само думает, оно есть акт мысли. Оно не объект, а скорее партнер, сотрудник в работе мысли. Оно возникает из еще невидимых и неслышимых глубин языка и приходит на помощь, когда нужно

выразить какую-то мысль, не находящую средств выражения. Нельзя сказать: «придумать мысль», потому что мысль – это и есть акт думания. Если приходит какое-то новое слово, это не означает, что я придумываю его, скорее, я начинаю *думать этим словом*. Оно приходит из сверхнапряженного семантического вакуума языка. Есть понятие физического вакуума. Это пространство, лишенное материи, но в нем постоянно рождаются и исчезают виртуальные частицы. Это неустойчивый вакуум, который иногда выбрасывает из себя целые вселенные (по известной теории так произошел «большой взрыв»). Нечто подобное происходит и в области языка. Вакуум, лежащий в его основе, выбрасывает виртуальные частицы – потенциальные слова, – которые чаще всего исчезают, возвращаются в вакуум, но иногда долетают до языковой материи и остаются в ней, занимают свое место в системе знаков. Есть особые медитативные состояния, техники сознания, которые позволяют поколебать этот вакуум, вызвать сполох виртуальных частиц-слов, хотя нет никакой гарантии, что они интегрируются в язык, а не исчезнут в том безмолвии-бессловии, откуда вышли.

3

ВИ: Нельзя не признать, что «слово – дело великое» для культуры. Но мы знаем также, что «Слово – серебро, молчание – золото». Значит, есть в Слове и какая-то незавершенность, недостаточность, фрагментарность. Вы много писали об этом, в частности, в своей статье «Слово и молчание в русской культуре» (2005) и в книге «Слово и молчание. Метафизика русской литературы (М.: Высшая школа, 2006). Не думаете ли Вы, что избыток слов – та же самая пустота, ущерб, утрата реальности, умаление смысла?

МЭ: Часто избыток слов – это пустословие, т.е. обратная сторона бессловесности. О русской культуре можно услышать два противоположных мнения: это

- молчаливая, застенчивая, целомудренная культура, берегущая свой сокровенный смысл, стыдящаяся его выговорить, вывести наружу;

- необычайно говорливая, утомительно суесловная культура, в которой слова заменяют дела.

По сути, оба эти мнения верны и не опровергают, а усиливают друг друга. Молчаливость и многоречивость взаимосвязаны. Причем само молчание растет и усиливается по мере говорения, и сама говорливость происходит от напряженности и невыразимости молчания. В этом плане художник и теоретик концептуализма Илья Кабаков рассматривает Гоголя, Достоевского и Чехова: «...В нашей великой литературе, в уме, нервах, памяти каждого из нас невроз бесконечного говорения, реализации себя в словах по преимуществу, беспрерывное, без конца и края бушующее море слов, одолевающее все собою. <...> Изначальное ощущение пустотности обнимает почти пространственно все слова, поступки, позы этих героев, оно стоит за всем, что происходит с ними – но они говорят. Они говорят, чтобы заполнить эту пустоту, чтобы не дать ей оказаться на сцене рядом с ними, и чтобы не потонуть, не исчезнуть в ее беззвучно звенящем ужасе. Надо говорить, говорить не переставая, ткать непрерывную сеть из слов, фраз, мнений, уже с *самого начала* лишенную смысла»².

В России все приводит в отчаяние, а утешает только язык (вспомним «Русский язык» Тургенева). Приходится держать бытие на кончике языка: замолчать – значит исчезнуть, не быть. «Я говорю, следовательно, существую»; я слышу себя, значит, я есть. Говорение – единственный способ «заговорить», заковать пустоту окружающего мира, безмолвие которого в ответ на эту нескончаемую речь становится все более грозным.

Паскаль писал об ужасе человека, говорящего существа, перед лицом безмолвной вселенной: «Меня ужасает вечное безмолвие этих пространств». Ни в одной другой стране нет такого пустого пространства, как в России, и нигде оно не безмолвствует так громко, наводя ужас

на говорящих и побуждая их говорить все быстрее и громче, заглушая свой страх слышимостью собственного словесного бытия. Но чем больше они говорят, тем более тяжелое молчание их окружает.

4

ВИ: Пожалуй, самым важным, с точки зрения культурной генетики, можно считать то слово, которое еще не высказано, не заявлено, не оформлено, но уже устремляется в будущее, к тому, чтобы прикрепиться к меняющейся культуре. Пожалуй, никто лучше Вас не знает, как происходит первый контакт Слова с реальностью? Здесь больше драмы или торжества?

МЭ: Рождение слова, как и рождение человека, – это и драма, и торжество. Приведу отрывок из стихотворения философа, социолога, психолога, поэта Галины Иванченко (1965–2004):

Рождается слово из пены контекстов,
Плывет океанами человеческой речи...
Ты видел детеныша – слова доверчивей?
Вот их и ловят в клетушки текстов.

Новорожденное слово – смешное, странное, несуразное, беззащитное, ему еще только предстоит жить, и шансы на выживание не велики. Смертность среди новорожденных слов очень велика.

5

ВИ: В чем состоит, по Вашему мнению, сущность культуры, или как бы Вы определили культуру одним словом или предложением?

МЭ: Есть два основных определения культуры (а вообще их сотни): широкое (1) и узкое (2).

Культура-1 – все, что не природа, все что «культивируется», создается человеком, в том числе: экономика, политика, индустрия, государство, армия, техника, сельское хозяйство, право, медицина...

Культура-2 – та часть культуры-1, которая культивирует самого человека. Это язык, мифология, религия, литература, музыка, изобразительное искусство, наука, образование, музеи.

Иными словами, все созданное человеком – это культура в широком смысле;

² Кабаков И. Жизнь мух (тексты на рус., нем. и англ.). Kolnischer Kunstverein / Edition Cantz. 1992. P. 112, 128, 130.

а то, что создает самого человека, делает его человечнее, разумнее, духовнее, креативнее – это культура в узком смысле. Такова двойственная роль человека как *создателя* культуры и как ее же *создание*.

6

ВИ: Что понимать под культурой, когда речь идет о политике и что понимать о политике, когда речь идет о культуре?

МЭ: Политика, искусство, религия, наука, техника – это разные составляющие культуры. Одна из целей культурологии и вообще гуманитарных наук – предотвращать фетишизацию тех или иных сфер культуры, притязающих на гегемонию. Это значит: противостоять политическому диктату, религиозному фундаментализму, узкотехнической функциональности и т. д.

Власть есть не только у политики, у государства. У языка, у науки, у религии, у искусства – своя власть, которая обладает каждой своей легитимностью и силой воздействия. Власть языка над сознанием граждан не уступает по силе власти государства. У каждой области человеческих свершений есть своя власть, свои средства подчинения людей и достижения нужных целей. У интеллекта есть своя власть, действующая логикой убеждения, сцепкой причинно-следственных связей, наглядностью аналогий и емкостью обобщений. Есть своя власть у нравственных чувств и императивов, таких как совесть и честь, ради которых люди идут на тяжелейшие испытания, на страдание и смерть. Своя растущая власть есть у науки, которая все больше претендует на то, чтобы стать Властью в современном обществе, пользуясь силой технологий. Есть своя власть у литературы и искусства – способность подчинять людей силе образа и пластике жеста. Чем больше властей перекрещиваются и взаимодействуют в жизни общества, тем оно свободнее. И наоборот, когда одна из властей начинает господствовать над обществом, оттесняя все другие, это приводит к тоталитаризму, причем не обязательно политическому. Если религия приобретает всецелую власть над обществом, то это фундаментализм; если все сводится к науке или технике, это сциен-

тизм или технократизм: если к морали – морализм; если к искусству – эстетизм... Все эти «измы» – гегемония одной власти – опасны для общества, и для ее предотвращения следует утверждать ценности «многовластия».

7

ВИ: Очевиден ли крах мультикультурализма?

МЭ: Более или менее да, но при этом не стоит забывать о его первоначальных благих намерениях, о том, что малые, исторически неразвитые или угнетенные культуры заслуживают признания. Ну а когда «малые сии» обзаводятся комплексом превосходства и начинают агрессивно подчинять себе общество в целом, это уже другой разговор.

8

ВИ: Изменяет ли представления о культуре новый коронавирус и пандемия?

МЭ: По одной из основных версий антропогенеза, в эпоху миоцена глобальное похолодание вытеснило тропические леса саванны и прогнало приматов с деревьев на землю, что, собственно, и поставило их на ноги, освободило руки, позволило изготавливать орудия труда и превратило в «человека разумного». Теперь вирусы прогоняют человека из биосферы, запуская новый виток эволюции в ноосфере. Человек из лазящего и прямоходящего превращается в человека сидящего (перед экраном) – Homo Sedens, а по сути – Homo Virtualis, человека виртуального. При этом все больший перевес получают органы зрения и слуха. Через них проходит основной информационный поток, что выделяет человека среди других видов, более зависимых от непосредственного, осязательно-обонятельного контакта с физической средой. Зрение и слух – дистанционные органы восприятия и в этом смысле отвечают новейшим требованиям социальной «дистанции» и «самоизоляции». Они не требуют прямого физического контакта и поэтому оказываются эволюционно выигрышными в условиях пандемии. Легко представить такой шуточный, но, по сути, правильный лозунг: «глаза и уши – луч-

шие противовирусные средства». Зрение и слух оперируют условными символами, опосредованными знаками: именно поэтому есть искусства речевые, звуковые, изобразительные [литература, музыка, живопись, кино и т. д.] – и практически нет искусств, основанных на контактных ощущениях. Собственно, культура как таковая отдает приоритет «удаленке» в самом физиологическом аппарате человека. И переход к дистанционным способам коммуникации, виртуализация и «зумификация» работы, образования, досуга – это не зигзаг, а скорее прямой и ускоренный сдвиг антропогенеза в новую фазу ноогенеза.

Я не говорю, что человечество все перейдет в онлайн, просто эта среда со временем окажется все более привычной и продуктивной для развития собственно человеческих способностей. Никто ведь не мешает людям лазить по деревьям, но с определенного эволюционного момента им стало привычнее ходить по земле. Вот так со временем, вероятно, человеку станет привычнее входить в онлайн, чем выходить на улицу. Меня эта перспектива совсем не восторгает, мы люди довирусной и довиртуальной эпохи, «уличные». Но я не исключаю, что уже наши внуки и правнуки будут воспринимать нас как «допотопных», «старорежимных» – в чем-то завидовать нам, но и посмеиваться, недоумевать.

9

ВИ: Так ли уж плохо иметь о своей стране мифы? Может ли Россия жить без мифов?

МЭ: Мифы бывают жизнестроительные и жизнеразрушительные. Иван Грозный и Лев Толстой – мифотворческие фигуры, но они о разном говорят и на разное вдохновляют.

10

ВИ: Нужен ли в глобальном мире универсальный язык, типа эсперанто?

МЭ: Таким для человечества уже стал или становится английский. Не думаю, что нужно изобретать искусственный язык – разве что для искусственного разума.

11

ВИ: Каким принципом Вы руководствуетесь в жизни?

МЭ: Есть несколько принципов, точнее, интуиций. Это не кодекс на все случаи жизни, но некоторые напутствия самому себе.

а) Ничему не противостоять, ни с чем не отождествляться.

Как только я чувствую, что слишком глубоко влипаю в некое движение, тенденцию, группу, я стараюсь отстраняться. И наоборот, если я начинаю намертво, в упор кому-то или чему-то противостоять, я чуть-чуть сдвигаюсь, переносу точку упора, чтобы получить возможность маневра, обхода, свободы движения. Важно быть в текучей середине, чтобы всегда оставалось какое-то пространство и справа, и слева, чтобы не быть припертым к стене или загнанным в угол. Я стараюсь смотреть на мир обоими глазами, слушать обоими ушами, мыслить обоими полушариями мозга, проговаривать мысль на двух доступных мне языках [русском и английском].

б) Не добиваться определенности там, где можно довольствоваться неопределенностью.

Наши провалы, мучения, конфликты с людьми – от попытки определить точнее то, что остается неопределимым, только возможным. Человек может быть разным, но мы не удовлетворены, пока не определим для себя: умен он или глуп, любит меня или не любит. Не превышать меру определенности, заданную самим предметом, предоставить ему возможность роста и самоопределения, смотреть на него сквозь расширяющуюся щель в системе категорий. Во всем, что есть и происходит гораздо больше возможного, чем уже определившегося.

в) Усилие без насилия.

Правильные вещи должны делаться относительно легко. Конечно, прилагать усилия необходимо. Но если что-то не получается, лучше оставить это в покое или по крайней мере подождать, не изменятся ли обстоятельства. Чрезмерные усилия могут привести к результатам, обратным ожидаемым. Если ключ не

вставляется в замок, не стоит его туда изо всех сил запихивать: может быть, это ключ от другого замка или замок для другого ключа? Иными словами, нужно следить, чтобы усилие не перешло в насилие над вещами и тем более людьми. Если я звоню кому-то, но после двух-трех попыток не могу дозвониться, я откладываю попытку до завтра. У обстоятельств есть своя логика, поэзия, грация, им нужно доверять, чтобы не превратить их в судьбу, вырастающую против тебя.

г) Приобретать опыт, не теряя души.

Одно из главных мучений юности: приобретение наибольшего опыта с наименьшими душевными потерями. Опыт ведь можно приобретать в самых грязных местах, посредством самых тоскливых экспериментов. Но при этом теряешь себя ровно в той же степени, в какой приобретаешь этот самый опыт. Нужно ли заставлять себя делать то, что не хочется? Нужно ли знакомиться с неизвестными девушками, ходить в чужие компании, наращивать социальные связи, притворяться ловким, свойским, общительным – и при этом чувствовать себя одиноким? Приобретать опыт, не теряя души, – это почти так же сложно, как перейти реку, не замочив ног. Но нужно стараться.

12

ВИ: Что мешает и что помогает Вам в жизни?

МЭ: Мешает рутина: собрания, отчеты и т. п. Но она же по-своему и помогает, организует время, ускоряет ритм существования. Чтение новостей тоже мешает, отнимая время – но, с другой стороны, позволяет почувствовать его пульс.

13

ВИ: Переломные моменты в жизни, были ли они у Вас?

МЭ: Конечно. Чего только стоил переезд в США! А потом на три года в Англию и обратно.

14

ВИ: Как к Вам пришла идея организовать проект «Дар слова»?

МЭ: Новые слова стали возникать у меня десятками и сотнями еще в 1980-е годы, когда я работал над большим манускриптом «Книга книг. Энциклопедия альтернативных идей». Это было собрание идей и, соответственно, терминов, альтернативных по отношению к существующим, общепринятым. В печатном виде этот замысел реализовался в «Проективном словаре гуманитарных наук» (НЛО, 2017). Что касается слов общелитературного и разговорного языка, то их «поток» пошел позже, в конце 1990-х годов. «Дар слова», как собственно словарный проект, зародился у меня в 1999 году. Я тогда написал для «Нового мира» статью «Слово как произведение», где приводил примеры новых слов, не только хлебниковских, солженицынских, но и мною самим сочиненных. Несколько месяцев спустя поэт Алексей Парщиков обратил мое внимание на англоязычную сетевую рассылку «A. Word. A. Day» – слова, взятые из словарей. Я увидел это и подумал: ведь это же можно делать и со словами не существующими, а только возможными, свежесозданными, предлагая их для употребления. Через несколько дней, 17 апреля 2000 года, я уже разослал первый выпуск – «Дар слова: Проективный лексикон русского языка».

Смысл проекта в том, чтобы «расшевелить» язык, запустить в нем новые процессы слово- и смыслообразования. В России тогда был известен солженицынский словарь «языкового расширения». Идея хорошая, но практически ни одного, собственно, солженицынского слова там нет: это конспект словаря В. Даля, с включением слов, взятых у Лескова и других писателей... Солженицын пытается воскресить забытые слова, которые употреблялись раньше. Да, они красивы, выразительны, но относятся, как правило, к исчезнувшим ремеслам, к старинным обычаям, к реалиям стародавнего быта. На мой взгляд, задача не в том, чтобы воскрешать субстанцию языка, а в том, чтобы оживлять его энергию: не конкретные слова, но энергию корня, способного к новым словообразованиям, к вет-

влению новых смыслов. Как лучше назвать то, для чего еще нет названия? Каких слов и понятий не хватает в современном русском? Как раскрепостить язык, не подвергая его опасности хаоса и коммуникативной невнятицы? Язык — не то, что откладывается в грамматиках и словарях, не то, что закончено раз и навсегда. Язык, как говорил В. Гумбольдт, не «эргон», а «энергия» — не созданное, а сама энергия созидания. Это непривычно, особенно для России, — представление о том, что сам язык может быть предметом творчества: не речь в виде, скажем, стихотворения или романа, а сам язык.

15

ВИ: Есть Слово месяца, есть Слово года, есть ли Слово Михаила Эпштейна?

МЭ: Человек. В русском «человек» просияло английское «love» «любовь», — и я почувствовал, как сроднились гении двух языков. А из английских своих слов я особенно люблю слово *harpicle* — частичка счастья, «счастлица».

16

ВИ: Каким Словом Вы могли бы охарактеризовать себя?

МЭ: Филолог. Любящий слово.

ВИ: Благодарю Вас, Михаил Наумович! Вы еще раз показали нам удивительную способность словотворчества соединять, казалось бы, несоединимое и тем самым раздвигать границы коммуникативных и эстетических возможностей культуры. Надеюсь, что Ваш проективный лексикон «Дар слова» и другие креативные проекты будут и дальше оставаться для нас полезными ресурсами в разработке и апробации культурологических опытов СГИК, и мы будем рады возможности делиться с Вами их результатами. Доброго Вам здоровья, новых слов и новых свершений!

О Михаиле Наумовиче Эпштейне: краткие сведения

Михаил Наумович Эпштейн (род. 21 апреля 1950 г.) — российско-американский культуролог, литератур-

ный теоретик и критический мыслитель. Окончил филологический факультет МГУ. Переехал из СССР (Москва) в США (Атланта) в 1990 году. Профессор теории культуры и русской литературы в Университете Эмори (*Emory University*), США. В 2012–2015 годах — профессор теории русского языка и культуры в Даремском университете (*Durham University*), Великобритания, где был основателем и руководителем Центра гуманитарных инноваций (*The Centre For Humanities Innovation*). Член российского и американского Пен-центров и Академии российской современной словесности.

Области научной специализации: постмодернизм, теория культуры и литературы; история русской литературы; интеллектуальная история; современная философская и религиозная мысль; философия модальностей; футурология; новые методы и междисциплинарные подходы в гуманитарных науках; семиотика, языковая эволюция и неологизмы; проективная лингвистика, идеи и электронные средства массовой информации.

В современной номенклатуре гуманитарных дисциплин он открывает и обосновывает новые области знания, в числе которых: реалогия (вещеведение), скрипторика (антропология и персонология письма), техногуманистика, креаторика (наука о творчестве), хоррология (наука о саморазрушительных механизмах цивилизации), текстоника (наука об электронном бытовании текста), неология (наука о новых словах).

Награды

Премия Андрея Белого, по разделу гуманитарных исследований (СПб., 1991);

Премия Института социальных изобретений (Лондон) за электронный Банк новых идей (1995);

Премия Журнала «Звезда» (за лучшие публикации 1999);

Премия Liberty, за вклад в русско-американскую культуру и развитие культурных связей между Россией и США» (Нью-Йорк, 2000; присуждается с 1999 г.);

Призер международного конкурса эссеистики (Берлин – Веймар, 1999) и стипендиат Фонда веймарской классики (2000);

Премия Журнала «Знание – сила», за лучшие публикации 2010 г.

Автор и куратор интеллектуальных проектов

День интеллектуала 21 апреля (этот день неофициально отмечается с 1998 года);

Клуб эссеистов (1982-1989);

Клуб «Образ и мысль» (с 1986 г.);

Лаборатория современной культуры (1988-1989);

ИнтелНет (включающий в себя Банк новых идей) (с 1995 г.);

Дар слова (сетевой проект, выходит с 2000 г.);

День словарей и энциклопедий 22 ноября (в день рождения В.Даля, с 2007 г.);

«Слово года» и «Неологизм года» (конкурсы, проводимые в России с 2007).

Список основных книг М.Н. Эпштейна

1. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков. М.: Совет. писатель, 1988. 416 с.
2. «Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высш. шк., 1990. 304 с.
3. After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture = После будущего: парадоксы постмодернизма и современная русская культура. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995. 392 p.
4. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication = Транскультурные эксперименты: русская и американская модели творческой коммуникации / With E. Berry. New York: Palgrave MacMillan, 1999. 340 p.
5. Философия возможного. Модальности в мышлении и культуре. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.

6. Cries in the New Wilderness: from the Files of the Moscow Institute of Atheism = Голоса вопиющих в новой пустыне: из архива Московского института атеизма / Transl. and introd. by Eve Adler. Philadelphia: Paul Dry Books, 2002. 236 p.
7. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение. 2004. 864 с.
8. Все эссе: в 2 т. Т. 1: В России (1970–1980-е). Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 544 с.; Т. 2: Из Америки (1990–2000-е). 704 с.
9. Новое сектантство: типы религиозно-филос. умонастроений в России. 1970–1980-е годы. Самара: Бахрах-М, 2005. 256 с. (Радуга мысли: Собр. работ в семи цветах) [Серия голубая. Идеография].
10. Великая Сось. Советская мифология. 2-е изд., расш. и перераб. Самара: Бахрах-М, 2006. 268 с. (Радуга мысли: Собр. работ в семи цветах) [Серия фиолетовая. Мифология. Религия].
11. Слово и молчание: метафизика русской литературы. М.: Высш. шк., 2006. 559 с.
12. Философия тела. Тело свободы / М. Эпштейн, Г. Тульчинский. СПб.: Алетейя, 2006. 431 с. (Тела мысли: Серия / Междунар. каф. (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб науч. центра РАН).
13. Каталог / Илья Кабаков, Михаил Эпштейн. Вологда: Б-ка Москов. концептуализма Германа Титова, 2010. 342 с.
14. PreDictionary: An Exploration of Blank Spaces in Language. (ПредСловарь: Исследование пробелов в языке). San Francisco: Atelos, 2011. 155 p.
15. The Transformative Humanities: A Manifesto = Трансформативные гуманитарные науки. Манифест / Transl. and ed. by Igor Klyukanov. New York and London: Bloomsbury Academic, 2012. 318 p.

16. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-пресс, 2013. 416 с.
17. Отцовство: роман-дневник. М.: Никея, 2014. 310 с.
18. Клейкие листочки: мысли вразброс и вопреки. М.: Arsis Books, 2014. 266 с.
19. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 384 с.
20. От знания – к творчеству. Как гуманитарные науки могут изменять мир. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 480 с.
21. Поэзия и сверхпоэзия. Многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, 2016. 480 с. [Серия «Культурный код»].
22. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 612 с.
23. Любовь. М.: Рипол-классик, 2018. 568 с. [Серия «Философия жизни»].
24. Энциклопедия юности / Михаил Эпштейн, Сергей Юрьенен. Москва: Э, 2018. 589 с.: ил. (Филологический нон-фикшн).
25. The Phoenix of Philosophy: Russian Thought of the Late Soviet Period (1953-1991) = Феникс философии. Русская мысль позднего советского периода (1953-1991). New York; London: Bloomsbury Academic, 2019. 312 p.
26. Будущее гуманитарных наук. Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Рипол-классик, 2019. 240 с.
27. Постмодернизм в России. 3-е изд., расш. и перераб. СПб.: Азбука, 2019. 606 с. [Серия «Новый культурный код»].
28. Детские вопросы: диалоги. Иллюстрации Ирины Литманович. М.: ArsisBooks, 2020. 176 с.
29. Проективный философский словарь: новые термины и понятия/ под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). Вып. 1. 512 с. (Серия Тела мысли / Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб Науч. центра РАН).
30. Проективный философский словарь: новые термины и понятия/ под ред. Г.Л. Тульчинского, М.Н. Эпштейна. СПб.: Алетейя, 2003 (Акад. тип. Наука РАН). Вып. 2. 512 с. (Серия Тела мысли / Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб Науч. центра РАН).

Список основных статей в журналах

См.: <https://magazines.gorky.media/authors/e/mihail-epshtejn>

